

Гавриил Николаевич ТРОЕПОЛЬСКИЙ

Родился 29 ноября 1905 года в селе Ново-Спасское на Елани в семье священника. В семье было шестеро детей.

Окончил в 1924 году сельскохозяйственное училище, работал сельским учителем. С 1931 года работал в Алешковском опорном пункте Воронежской областной опытной станции; в 1937—1953 годах он был заведующим Острогосским государственным сортоиспытательным участком по зерновым культурам; вывел восемь сортов проса, один из выведенных им сортов был районирован в Центральной

Черноземной зоне. Во время оккупации Воронежской области (1942—1943) выполнял задания советской фронтовой разведки.

Первый рассказ появился в 1937 году под псевдонимом Лирваг. После 1953 года, когда в мартовском номере журнала «Новый мир» были напечатаны его рассказы, он полностью посвятил себя литературному труду и переселился в Воронеж. В 1976—1987 годах входил в редколлегия журнала «Наш современник». Член правления СП СССР с 1967 года, СП РСФСР с 1975 года.

Умер 30 июня 1995 года. Похоронен в Воронеже.

Мы предлагаем вашему вниманию начало и конец повести, которая принесла автору огромную известность благодаря своей пронзительной ясности в вопросе дружбы и верности. Очень советуем прочесть всю повесть. Она есть в нашей библиотеке.

Гавриил Троепольский Белый Бим Черное ухо

«...Читатель, друг!... Ты подумай! Если писать только о доброте, то для зла – это находка, блеск. Если писать только о счастье, то люди перестанут видеть несчастных и, в конце концов, не будут их замечать. Если писать только о серьезно-печальном, то люди перестанут смеяться над безобразным...» ...И в тишине уходящей осени, овеванной её нежной дремотой, в дни недолгого забвения предстоящей зимы, ты начинаешь понимать: только правда, только честь, только чистая совесть, и обо всем этом – **слово**.

Слово к маленьким людям, которые будут потом взрослыми, слово к взрослым, которые не забыли, что были когда-то детьми.

Может быть, поэтому я пишу о судьбе собаки, о её верности, чести и преданности.

...Ни одна собака в мире не считает обыкновенную преданность чем-то необычным. Но люди придумали превозносить это чувство собаки как подвиг только потому, что не все они и не так уж часто обладают преданностью другу и верностью долгу настолько, чтобы это было корнем жизни, естественной основой самого существа, когда благородство души – само собой разумеющееся состояние.

...Вот так и среди нас, человек: есть скромные люди с чистым сердцем, «незаметные» и «маленькие», но с огромной душой. Они-то и украшают жизнь, вмещая в себя все лучшее, что есть в человечестве, – доброту, простоту, доверие. Так и подснежник кажется капелькой неба на земле...

ЛЕС ВЗДОХНУЛ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

И вновь пришла весна.

Солнце выталкивало зиму вон. Она улепетывала, раскисшая, на полурастаявших и немощных ногах, а вслед за нею, помаленьку, но не отставая, прибавлялись и прибавлялись тёплые дни, поджигали старуху пятнами, разрывали на

грязно белые клоки. Весна всегда безжалостна к умирающей зиме.

И вот ручьи уже успокоились, не торопятся, становятся всё меньше и меньше, всё тоньше и тоньше, а ночью почти совсем замирают. Весна пришла поздняя, ровная.

– Такая весна – к урожаю, – сказал Хрисан Андреевич на днях, когда ночевал с Алёшей у Ивана Иваныча.

Скоро они выгонят овец на выпас, но Алёша теперь до самых каникул будет только «выпроваживать» с отцом стадо утром и «встревать» за селом вечером.

Алёша и один приезжал несколько раз. В такие дни они с Толиком неразлучны и вновь ищут Бима, милые мальчишки. Но однажды, когда все вместе пили чай у Ивана Иваныча, Хрисан Андреевич рассудил так:

– Раз уж в газетах пропечатали, да не объявился, то, стало быть, его кто да нибудь увёз далеко. Россия велика, матушка, – пойдти найди. Ежели бы он загиб, то обязательно кто-то заявил бы по объявлению: так, мол, и так – покончилась ваша собака, видал там-то и там-то. Главное дело – жив, вот в чем вопрос. Не каждый находит свою собаку. И тут, фактически, ничего не поделаешь. – Он понимающе переглянулся с Иваном Иванычем и добавил: – Так что искать его, ребята, бесполезно. Правильно я говорю, Иван Иваныч?

Тот согласился кивком головы.

С этого дня поиски прекратились. Осталась только память, и осталась она у мальчиков на всю жизнь до конца дней.

Может быть, через много-много лет они, наши мальчишки, расскажут своим детям про Бима. Ведь любой отец или дедушка, если у него был друг собака, не преминет рассказать детям и внучатам о забавных или печальных историях, происшедших с нею. И тогда подростку захочется иметь свою собаку.

Уходя, Хрисан Андреевич положил за пазуху месячного щенка овчарки – подарок Ивана Иваныча. Алёша был в восторге.

...В комнате забавляется со старым ботинком новый щенок, тоже – Бим, породистый, типичного окраса английский сеттер.

Но старого друга он уже никогда не забудет. Не забыть ему охотничьих зорь, подаренных Бимом, не забыть его доброты и всепрощающей дружбы. Память о верном друге, о его печальной судьбе тревожила старого человека. Именно поэтому он и оказался на той самой полянке и сел на тот же пенёчек. Осмотрелся. Он пришёл послушать лес.

Был невероятно тихий весенний день.

Небо густо забрызгало полянку подснежниками (капельки неба на земле!). Много раз в жизни Ивана Иваныча повторялось такое чудо. И вот оно пришло вновь, тихое, по могучее в своей истинной простоте и каждый раз удивительное в неповторимой новизне рождения жизни – весна.

Лес молчал, только-только пробуждаясь ото сна, окропленный небом и уже тревожимый тём-

ными солнечными зайчиками на блестящих и таких томительно нежных язычках ещё не развернувшихся листочков.

Ивану Иванычу показалось, что сидит он в величественном храме с голубым полом, голубым куполом, с колоннами из живых дубов. Это было похоже на сон.

Но вдруг... Что бы это значило? По лесу прокатился короткий шум – глубокий вздох. Было очень похоже на вздох облегчения от того, что после длительного ожидания жизнь деревьев началась с распутившихся почек. Иначе почему же ветви шевельнулись, и вслед за этим засвиркала синица, а дятел бодро застрочил барабанной музыкальной дробью, призывая подругу, оповещая лес о начале любви? Он ведь одним из первых, как и вальдшнеп, подаёт сигнал к торжественной симфонии весны: но только вальдшнеп зовёт тихо, в сумерках, осторожно, зовет сверху: «Хор-хор! Хор-хор!» – То есть хорошо хорошо! А дятел, найдя своё сухое дуплецо на заветном суку, неистово, смело, решительно возвещает на первозданном инструменте радости: «Кр-р-р-р-р-р-р-расота!»

Ясно: потому и вздохнул лес облегченно, что чудо началось и наступило время исполнения надежды.

И птицы откликнулись ему, могучему богатырю и спасителю. Иван Иваныч слышал это отчетливо. Ведь он и пришёл сюда затем, чтобы послушать лес и его обитателей.

И он был бы счастлив, как и каждый год в такие часы, если бы на краю полянки не выделялось пятно – пустое, не заполненное голубым, обозначенное лишь свежей землей, смешанной с палыми прошлогодними листьями.

Грустно смотреть на такое пятно весной, да ещё в самом начале всеобщего ликования в природе.

Но зато снизу вверх добрыми, наивными, ласковыми и невинными глазёнками смотрел на Ивана Иваныча новый Бим. Он уже успел покориТЬ Толика, он так и начал жить – с доброты, маленький Бимка.

«Какова-то будет его судьба? – подумал Иван Иваныч. – Не надо, нет, не надо, чтобы у нового Бима, начинающего жизнь, повторилась судьба моего друга. Не хочу я этого. Не надо».

Иван Иваныч встал, выпрямился и почти вскрикнул:

– Не надо!

Лес коротким эхом повторил несколько раз: «Не надо... Не надо... Не надо...» И замолк.

А была весна.

И капли неба на земле.

И было тихо-тихо.

Так тихо, будто и нет нигде никакого зла.

Но... Всё-таки в лесу кто-то... Выстрелил!

Трижды выстрелил.

Кто? Зачем? В кого?

Может быть, злой человек ранил того красавца дятла и добивал его двумя зарядами...

А может быть, кто-то из охотников зарыл собаку, и ей было три года...

«Нет, не спокойно и в этом голубом храме с колоннами из живых дубов» – так подумал Иван Иваныч, стоя с обнажённой белой головой и подняв взор к небу. И это было похоже на весеннюю молитву.

Лес молчал.

